

Символы и метаморфозы. Либи́до

Про книгу

Настоящая книга — одна из самых известных в психоаналитической литературе. С данного произведения молодого еще Карла Юнга, труда одновременно классического и ревизионистского, начался его отход от фрейдовского анализа. Перевод авторизован самим Юнгом

Карл Густав ЮНГ

СИМВОЛЫ И МЕТАМОРФОЗЫ

ЛИБИДО

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 159.964.2 Юнг
Ю 50

Юнг К. Г.
Ю 50 Символы и метаморфозы. Либи́до / Карл Густав Юнг. — Киев: Издательский дом «С В А Р О Г», 2023. — 576 с.

ISBN 978-966-370-710-5

Настоящая книга — одна из самых известных в психоаналитической литературе. С данного произведения молодого еще Карла Юнга, труда одновременно классического и ревизионистского, начался его отход от фрейдовского анализа. Перевод авторизован самим Юнгом.

ISBN 978-966-370-710-5

УДК 159.964.2 Юнг

© Издательский дом «С В А Р О Г», 2023.

От редактора

Та наука, которая благодаря трудам Юнга выросла из старого психоанализа и которую он называет теперь аналитической или комплексной психологией — есть прежде всего естественная наука, а именно эмпирическая антропология. Это соображение надлежит особенно иметь в виду, приступая к изучению предлагаемого в этом втором томе первого из двух крупных трудов Юнга; в оригинале этот труд носит заглавие: *Wandlungen und Symbole der Libido*. Мы переводим: «Символы и метаморфозы Либида». Всякая психология, как наука, является отраслью естествознания, стоящей на грани, отделяющей научный натурализм от научного историзма, или науки о природе от наук о духе, о культуре; с этим согласны почти все выдающиеся представители как психологии, так и философии, по крайней мере те из них, что не слишком впали в витализм и монизм. Конечно, эта, на грани стоящая отрасль природоведения, занимаясь внутренней природой человека, протягивает свои отростки столь глубоко в отрасли духовно-душевной жизни и деятельности человека, что сама начинает дышать их воздухом, вбирая и перерабатывая их материал, что, однако, не вредит делу по существу, если это происходит сознательно и основная ориентировка никогда не теряется из виду. Ведь и обратное имеет место: историки и другие представители науки о духе бывают вынуждены прибегать к фактам и законам, установленным естественно-научным методом. Таким образом, мышление, обрабатывающее в книге о Либида столь богатые данные из областей, далеко отстоящих от обычного материала наук о природе, — все же оперирует естественно-научным ме-

тодом, сколь бы против этого ни говорила видимость, в тех случаях, когда автор погружается в сферу филологии, мифологии, археологии. Естественнонаучное мышление всегда остается субъектом исследования о Либи́до, даже в тех ее метаморфозах и символах, которые соприкасаются со «святая святых». Объектом такого исследования является душевная энергия, или Либи́до, во всех ее многообразных проявлениях и превращениях. И прежде всего аналитическая психология различает две формы психической энергии: форму скрытую, латентную, бессознательную и форму сознательных функций. Противопоставление сознательно- и бессознательно- психического, конечно, остается общим у Фрейда и Юнга. Но Фрейд, как известно, сводит все содержание бессознательного к подавленной сексуальности. Либи́до у него всегда означает: *libido sexualis*, а сознательные содержания всегда в конце концов обусловлены этой Либи́до и представляют собой сублимированную сексуальность. Этим обосновывается «пансексуализм» Фрейда. Здесь лежит водораздел между Фрейдом и Юнгом: в аналитической психологии пансексуализм отрицается: Либи́до не есть сексуальность, но есть душевная энергия вообще, во всех ее многообразных формах и метаморфозах. Этого исправления требует сама теория Фрейда. Понятию Либи́до в области биологической должно быть придано то же значение, какое в области физики придается со времени Роберта Майера понятию энергии.

Здесь в этой книге совершается перелом в психоанализе, закладывается фундамент самостоятельной и новой цюрихской психологической школы. Внимательный и знающий литературу по психоанализу читатель не может не заметить этого критического момента в развитии психологии Юнга, Первая часть книги покоится еще всецело на базисе сексуальной теории Фрейда. Эта часть составляет, однако, лишь четверть всей книги. И уже в третьей главе второй части Юнг, влекомый к тому всей огромной совокупностью обрабатываемых мате-

риалов и затронутых тем, оказывается научно вынужденным одним решительным поворотом положить начало своей асексуальной «энергетической» теории Либи́до и продвинуться к правильной, гибкой концепции подлинного символизма. Разумеется, что такой поворот в основных воззрениях, происшедший в течение работы над книгой, должен был в свою очередь отразиться колебательно на характере и даже на стиле ее изложения и построения. Вторая часть чем дальше, тем становится углубленнее и насыщеннее, она давит и своей вескостью и своими размерами первую часть, которая больше не в состоянии играть для нее роль фундамента. Чтобы разобраться в этом огромном материале и не потонуть в его хаотическом богатстве, читатель должен помнить, что книга о Либи́до с формальной точки зрения есть психоаналитический сеанс, длящийся на протяжении свыше 400 страниц, сеанс, в течение которого анализируемая и аналитик привносят к материалу бессознательных содержаний, всплывающему во время совместной работы (каковой является каждый нормально проходящий анализ) все ассоциативные мысли, чувства, ощущения и интуиции, и осмысливают эти «наития» при помощи сопоставления их с данными, исследованными и описанными в мифологии, истории, этнологии и других смежных науках, а также и с индивидуальными и коллективными «человеческими документами», которые хранит в себе искусство всех стран. Все это налагает особый отпечаток на образ этой важной книги, вызвавшей раскол в психоаналитическом учении и является источником как ее достоинств, так и ее недостатков.

Либи́до, с ее метаморфозами и символами, все время, пересекает область религии, взятую в самом широком смысле этого термина — в смысле мифотворчества, мистики, магии, символизма. Этот широкий смысл возвращает термин к первоначальным значениям, которые гипотетически слово *religio* имело согласно своим лексическим элементам: языковеды

производят слово religio то от religo (согласно Лактанцию), то от relego (согласно Цицерону). Таким образом оно означает либо «связь», «зависимость», «связанность», Bindung, — либо Erwagung, т. е. «взвешивание» вследствие возникшего сомнения и изумления, соединенного с Scheu, со страхом, проявляющимся на высшей ступени духовности, как «страх Божий», который есть источник всякой премудрости, или как благоговение (ср. mysterium tremendum у Рудольфа Отто). Если Либидо означает у Юнга психическую энергию, то первым основным и глубочайшим проявлением этой энергии в тот момент, когда она поднимается в сознание из глубин бессознательного, будет фантазия, воображение, миф, символический образ. Здесь обосновывается та высокая оценка фантазии, которую мы находим в позднейших произведениях Юнга, например, в «Психологических Типах»: «Я считаю фантазию наиболее ярким выражением специфической активности нашей психики... она мать всяких возможностей... во всяком творчестве первенствующее значение принадлежит созидающей фантазии. Все великое было сначала фантазией... Фантазия есть непосредственное выражение психической энергии». (Псих. Типы). Отсюда то огромное значение, которое аналитическая психология придает символическому образу, мифу, религиозной символике. Мифотворчество есть первое проявление творческой фантазии, цветок, вырастающий из темной глубины бессознательного; оно есть первое проявление поэзии, мудрости, мышления, религии; из него дифференцируются все ветви культуры. Продукт фантазии есть прежде всего символический образ, поэтому символ имеет огромное значение в психологии. Сны столь же символичны, как и образы искусства, как и высшие выражения религиозной мудрости. Книга о Либидо разворачивает перед нами огромную вереницу символов. И в дальнейших произведениях Юнга интерес к символике еще углубляется. Выяснение психологического значения символа составляет открытие и огромную заслугу комплексной пси-

хологии. Символ означает «соединение». Всякий символ соединяет в себе различные и даже противоположные значения, соответствующие противоположным влечениям и направлениям психической энергии. Символ всегда многозначен. Он является единством противоположностей, синтезом, решением противоречия, но притом решением не рациональным, а иррациональным, ибо он есть образ, а не понятие. Символ образно выражает невыразимое, неизвестное, лишь предчувствуемое, лишь предугаданное, еще не познанное (см. определение символа в Психологических Типах). В этом отличие символа от аллегории: значение аллегории вполне понятно и ограничено; значение символа не вполне понятно и не имеет рациональных границ в силу своего образного богатства. Но символ имеет не только познавательное, угадывающее значение, но имеет еще и жизненное значение, ибо является разрешением внутреннего противоречия нашей психики. Наше Я на каждом шагу стоит перед такой расколотостью, перед внутренним противоречием своих стремлений: таково противоречие чувственности и духовности, сознательных и бессознательных устремлений нашей Либидо. В этом случае символ обладает способностью выразить и соединить сознательное и бессознательное содержание, соединить чувственное и духовное, ибо он сам есть чувственный образ, имеющий духовный смысл. Самым ярким примером такого жизненно освобождающего символа является Эрос Платона. Символ имеет освобождающую силу, ибо он выражает права на существование всех частей психики.

Символический образ не только означает, но и производит наиболее совершенное объединение всех находящихся в индивидууме противоположностей. Поэтому, он смотрит вперед и дает направление нашей жизни, центрирует нашу личность. (См. Toni Wolff, Einführung in die Grundlagen der komplexen Psychologie и Die kulturelle Bedeutung der komplexen Psychologie.) Отсюда ясно то огромное значение, которое получает религиозный символ в аналитической психологии.

Необходимо правильно понять отношение этой науки к религии. Оно одинаково далеко и от наивного рационализма эпохи просвещения и от всяческого позитивизма и материализма XIX-го века, считающего религию и миф досадным недоразумением, печальной иллюзией; одинаково далеко оно, с другой стороны, и от всякой наивной веры, как бы она ни была трогательна и возвышенна, и от всякой теологической догмы, как бы она ни была глубокомысленна. В силу этого многое в настоящей книге может показаться благочестивому читателю еретическим и кощунственным, если он не примет во внимание особой устанавки и особых прав научно-психологического исследования. Хладнокровное сопоставление низин душевных с вершинами духа может вызвать чувство возмущения, и однако аналитика-психологический скальпель, беспощадно казалось бы врезывающийся в организм религиозной жизни, на самом деле нисколько не лишает жизненности ту душевную ткань, которая необходима для приобщения к жизни духа; и открывая инфальтильные, либо архаические психологизмы этой ткани, он может даже привести к оздоровлению духа и оказать услугу его подлинно ценному религиозному зерну. Конечно, никому не предлагается прибегать к этой книге в своих исканиях чисто религиозного зерна, но кто им обладает, кто его нашел, тот прочтет с пользой для себя книгу о Либи́до, так как еще раз увидит ясно различие между этим подлинным зерном и всеми, даже наиболее возвышенными и прекрасными, религиозными психологизмами, почерпнутыми из мира внешней и внутренней действительности. Следует только помнить, что ценное зерно и плевел произрастают по тем же биологическим законам, и наука имеет право их изучать каузально, совершенно независимо от вопроса о ценности или неценности зерна и плевел. Дело в том, что психология охватывает все функции души, высокие и низкие, ценные и не ценные. Поэтому психология, и в частности психоанализ, со своими критериями, приложимы и к пошлейшей обыденщине и к «святая святых»

религиозной веры. Но такое свое полномочие этот критерий сохраняет лишь до тех пор, пока состоит на службе у психологии как науки, а не у панпсихологизма, как псевдо-философии, и не у частных психологизмов, определяющих состав различных мировоззрений.

Прилагая эстетический критерий к нравственному поведению, или этический критерий к художественному творчеству, мы нарушаем автономию разграниченных областей («трубачи морали», по слову Ницше, безвкусно нарушают автономию искусства); с психологическим критерием, приложимым всюду, где бы ни участвовала душа человека, мы входим в ту или другую из упомянутых сейчас областей, нисколько не нарушая их автономии, ибо психология в каждой области имеет свою сферу компетенции, но психология компетентна лишь поскольку она верна своему методу. Давая критерий особого порядка, психология вполне согласуема как с эстетикой, так и с этикой в том смысле, что ее рассмотрение явлений художественных, не притязает на ценностное суждение, устраняющее самостоятельность эстетической, или этической аксиологии. Сфера компетенции психологического критерия в областях эстетики и этики есть наша «внутренняя природа», действующая и отражающаяся в этих областях. Психология имеет право проникать во все области, где действует душа человеческая, но проникать только естественно-научным методом. Душа и там и здесь, как среда, орудие, ткань, словом, как природа. Психическая природа человека есть еще природа, хотя свободный дух, религия и культура уже не есть природа. Искусство и религия обусловлены психической природой и психическими мотивами, но в них есть еще нечто специфическое, автономное, «духовное», то, что ставит их над человеком как природою, следовательно и над психикой. Психология, и в частности психоанализ, не в состоянии со своим критерием идти выше, к тому, что над психикой, и откуда единственно только и диктуется автономия искусства, религии, этики.

Изучая произведения Юнга, следует всегда помнить, что он признал и со всей силой высказал эту автономию областей, эту неприкосновенность искусства и религии. «Только та часть искусства, — говорит он, — которая состоит в процессе художественного формирования, может быть предметом психологии, но не та, которая составляет, собственно самую сущность искусства. Эта вторая часть, то есть вопрос о том, что представляет собой искусство как таковое, является предметом исключительно эстетически-художественного, а ни в коем случае не психологического рассмотрения. Ведь подобное же различие мы должны провести и в области религии. Там также психологическое рассмотрение вопроса может иметь место только по отношению к эмоциональным и символическим феноменам религий. Сущность же религии тем самым не только нисколько не затрагивается, но не может быть затронута. Если бы последнее было возможно, то не только религия, но и искусство могли бы рассматриваться как подотделы психологии». (Том III)

Такое нарушение автономии областей тотчас само обратилось бы против психологии: она сама была бы признана лишь функцией мозга. Но признать, что все автономные области культуры входят всецело в сферу психологии, что искусство, религия, философия есть не что иное как психология — значит перейти из особой автономной науки в сферу «панпсихологизма», в сферу особой дурной метафизики, столь же догматической, как и «панматериализм».

Э. Метнер.

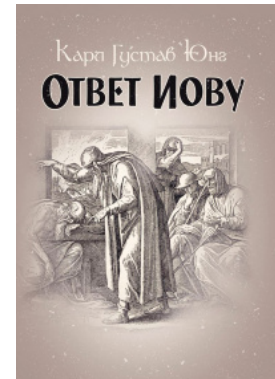
Рекомендована література

Панические атаки
(Гештальт-терапия в
единстве клинических
и социальных
контекстов)

Психологические типы

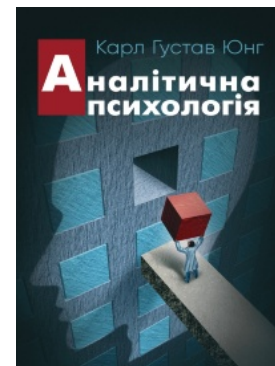
Ответ Иову

Брехуни на кушетці.
Психотерапевтичні
оповіді

Психологія несвідомого

Аналітична психологія

Перейти до категорії
Аналітична психологія

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ